

© 1994 г. К. РЕДЕН

ВЛИЯНИЕ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА НА СЕМАНТИКУ И СИНТАКСИС ДРЕВНЕЗЫРЯНСКОГО

1. Приступая к изложению темы, необходимо выяснить некоторые вопросы терминологического порядка.

Принимая во внимание связь церковнославянского и древнезырянского языков, следует иметь в виду русский извод церковнославянского, таким образом, термин "церковнославянский язык" в данной работе относится к церковнославянскому языку, употребляемому в России.

Термин "древнезырянский" здесь используется вместо термина "древнепермский", употреблявшегося ранее [1; 2, с. 7]. Последний образован от названия епископского города Старая Пермь (Пермь Старая, Пермь Вычегодская, Пермь Малая, в настоящее время Усть-Выми). Зырянский церковный литературный язык так называемой абурской системы письма, созданный святым Стефаном Пермским и его учениками, основывается на говоре Старой Перми и ее области, т.е. на говоре древнезырянского периода, предшествующем современному нижневычегодскому диалекту коми-зырянского языка. Таким образом, термин "старопермский язык" с научной точки зрения был бы вполне подходящим, если бы определение "пермский" не употреблялось в нескольких значениях:

а) как название языка зырянских — библейских и литургических — текстов, написанных в XIV—XVI вв. в епископском городе Старой Перми;

б) в научной литературе наших дней этот термин служит для обозначения южного наречия языка коми, для обозначения пермских или пермяцких говоров; данное название происходит от перенесения названия города Старая Пермь на поселение Пермь Великая (позже Чердынь) в Прикамье;

в) наконец, термин "пермский" употребляется как общее название народов и языков коми и удмуртского (пермские языки, прапермский язык, прапермский период).

Таким образом, из-за данной многозначности термина и во избежание недоразумения, употребляется однозначный термин "древнезырянский".

1.1. Попытки русских освоить зырянские земли начались очень давно. Из исторических источников известно, что в XI—XIII вв. зыряне уже имели торговые контакты с Новгородским княжеством. Конечно, торговые связи в большинстве случаев означали, что зыряне со временем вынуждены были платить дань русским. Распространение христианства, вначале служившее интересам русских, началось в XIII в., но утвердилось оно только в 70-е — 80-е гг. XIV столетия. Епископство в Усть-Выми (Старой Перми) было основано в 1383 г. Его первым епископом был Стефан Храп, который позднее под именем Стефана Пермского был причислен к лику святых. Крещение зырян является заслугой, в первую очередь, Стефана Пермского и его миссионеров. (О миссионерской и связанной с нею литературной деятельности Стефана Пермского и его учеников подробнее см. ниже.) Начиная с XVI в. северные зыряне (коми-зыряне) становятся подданными Московского княжества. Населенную южными зырянами (коми-пермяками) территорию (район верхней Камы) в середине XVI века Иван IV Грозный пожаловал династии графов Строгановых.

Начало контактов народных языков русского и зырянского (оставляя в стороне влияние церковнославянского на зырянский литературный язык в XIV—XVI вв.)

как у коми-зырян, так и у коми-пермяков, прослеживается приблизительно с конца XVI столетия. Однако более интенсивное влияние русского на зырянский наблюдается только начиная с XVIII в. или, точнее, в начале XIX в.

Рассматриваемые в данной работе явления интерференции семантического и синтаксического характера церковнославянского и древнезырянского языков возникли в результате религиозно-литературной деятельности. Они во многих случаях относятся к неологизмам, созданным по чужим примерам, и ничего общего не имеют с позднейшими контактами зырянского и русского народных языков. Это объясняется, во-первых, хронологическими причинами: контакты церковнославянского и древнезырянского литературных языков и, таким образом, древнезырянская письменность ограничивается XIV–XVI столетиями, а контакты народных языков – русского и древнезырянского – начинаются значительно позже, в XVIII–XIX вв. Во-вторых, невозможно допустить существование связи или преемственности влияний по линии "церковнославянский → русский → зырянский" и потому, что влияние церковнославянского языка на зырянский распространяется исключительно на религиозную литературу, имеющую определенные как пространственные, так и временные пределы. Известно, например, что религиозно-литературная деятельность св. Стефана Пермского и его священников после XVI в. не имела продолжения.

1.2. Для того, чтобы представить различия между контактами церковнославянского и древнезырянского языков, с одной стороны, и между русским и зырянским народными языками, с другой стороны, не претендуя на исчерпывающее изложение тем, ниже дается краткое описание характерных моментов влияния синтаксиса русского языка на зырянский.

Синтаксическая интерференция означает, что морфемы и синтаксические категории языка "А" (родного языка) отождествляются двуязычным лицом с морфемами и синтаксическими категориями языка "Б" (второго языка), в результате чего морфемы и категории родного языка говорящий начинает употреблять по чужому образцу [3, с. 39].

На основе указанного ясно, что синтаксическая интерференция часто сопровождается морфологической интерференцией. Во многих случаях их невозможно отделить друг от друга, и, собственно, с научной точки зрения и не целесообразно это делать. Классы морфем образуют иерархию начиная от флексивных элементов, структурно и семантически наиболее интегрированных и, таким образом, наиболее сопротивляющихся интерференции через менее сопротивляющиеся грамматические слова (предлоги, артикли, вспомогательные глаголы) до наиболее непрочных и поэтому легко заимствующихся элементов лексики [3, с. 35].

Равноценность морфем и категорий синтаксиса двух языков, языка "А" и языка "Б", для двуязычного лица основывается на их формальном, функциональном, реже на формальном и функциональном сходствах [3, с. 39]. В случае неродственных языков последнее встречается довольно редко.

В отношении контактов зырянского и русского языков типы интерференции, основывающиеся на отождествлении, будут рассматриваться в категориях склонения имен, спряжения глаголов и порядка слов. К склонению имен причисляются и выражения в виде словосочетаний, которые в определенном смысле скорее могли бы быть причислены к лексическим заимствованиям.

2. Выше (см. 1.1.) упоминалось, что обращение зырян в христианство после первых попыток в XIII в., произошло в основном благодаря Стефану Храпу (св. Стефану Пермскому) и его миссионерам. Жизнь Стефана Пермского описал его сотоварищ, монах Епифаний Премудрый [4]. Известно, что Стефан Храп родился ок. 1335 г. в Устюге, в русской семье. Не исключено, однако, и зырянское происхождение родителей. С раннего юношества он был связан с зырянским окружением, хорошо знал жизнь и обычаи людей этой местности. Позднее он стал первым епископом епископства Старой Перми, основанного в 1383 г.

Стефан Храп (в зырянском произношении *s'ŕ'epan krap*) и его священники в тесной связи с миссионерской вели значительную религиозно-литературную деятельность. Результатом этой деятельности явились переведенные затем, в XIV–XV вв., на зырянский язык фрагменты из текста Библии, фрагменты литургических текстов и молитв. Часть этих памятников древнезырянского языка (надписи на иконах) впервые была опубликована Г.С. Лыткиным [5]. Возможность для исследования оставшихся памятников древнезырянского языка вместе с правилами их чтения впервые представилась шестьдесят лет спустя благодаря монографии В.И. Лыткина [1]. На основе текстов В.И. Лыткин составил грамматику и список слов древнезырянского языка, а также написал филологические комментарии к текстам, значительно облегчающие их чтение и перевод.

Св. Стефан Пермский создал для зырян отдельную систему письма, которая на основе первых двух букв азбуки (*a + бур*) называется "азбукой абур". Для древнезырянской азбуки он использовал модификации знаков других языков (греческого, кириллицы, армянского и зырянских знаков-тамг). Из "Жития" Елифания Премудрого известно, что Стефан Пермский перевел несколько книг на древнезырянский язык: "петие им перепеваа и перелагаа и писати научая их пермския книги; и сам спомогаа им, переводяще с руских книг на пермския книги, и сия предастъ им. И так оттоле друг друга учашу грамоте, и от книг книгу переписующе, умножаху, исплъняюще" [1, с. 50].

Стефан Пермский перевел, пожалуй, самое главное – песни, молитвы, несколько глав Ветхого и Нового заветов. В 1390 г. в Вотче, по реке Сысоло (в 60 км от современного Сыктывкара) св. Стефан Пермский основал монастырь, где до середины XVIII в. пели на языке коми-зырянском (предположительно на древнезырянском), даже тогда, когда в церквах зырянского края зырянский язык уже не употреблялся.

3. Развитие словарного состава древнезырянского языка под влиянием церковнославянского.

Приступая к анализу процесса возникновения новых слов, созданных под влиянием церковнославянского языка, и изменения значений старых слов, уже ранее существовавших, необходимо выяснить некоторые основные вопросы технического и теоретического порядка. В этих целях следует исключить из исследования языковые элементы, существовавшие со времени прапермского/празырянского периодов и восходящие к финно-пермскому, финно-угорскому и уральскому периодам, поскольку к нашей теме они ничего не могут прибавить.

Общеизвестно, что в случае интерференции отдельные языковые категории образуют иерархический ряд. Влиянию чужого языка подвергается прежде всего словарный состав – самая открытая и, таким образом, самая непрочная система языка. При условии интенсивных контактов в заимствующем языке могут прививаться чужие фонемы и синтаксические структуры. Менее всего поддается чужому влиянию грамматическая (морфологическая) система языка: суффиксы, склонение, спряжение.

Рассмотрим влияние церковнославянского языка на словарный состав древнезырянского. Как восприятие чужого воздействия или в качестве примера сопротивления ему можно различить несколько случаев, которые в отношении восприимчивости к интерференции также создают иерархический ряд. Обобщенно будем называть все эти случаи заимствованиями.

3.1. Заимствованные слова (loanwords, Lehnwörter), как установлено выше, занимают место на самом верху пирамиды интерференционных явлений. "A loanword may be defined as an imported lexeme; the replica is more or less diaphonic with its model" [6, с. 783].

3.2. Гибридные заимствования (loanblends, hybrid loans, hybride Entlehnungen) содержат в себе механизмы как заимствования слова, так и кальки (calque, loanshift). Одни элементы чужой модели становятся заимствованиями, другие (например, элемент какого-нибудь сочетания, суффикс) – заменяются элементами своего языка. Ср.: амер. англ. *plumpie* "торт со сливами" → амер. нем.: *blaumapai* [7, с. 213].

3.3. Передача (репродукция) чужого слова элементами своего языка (loanshifts). В этом случае чужая морфема/чужие морфемы заменяется/заменяются своей морфемой/своими морфемами. Другими словами, под влиянием чужой модели на основе семантического, в случае родственных языков, фонетического и семантического сходства происходит семантическое изменение. Различается два типа репродукции:

а) калька (loan translation, Lehnübersetzung, calque), например, англ. *sky-scraper* → нем. *Wolkenkratzer*, русск. *небоскреб*; лат. *compassio* → нем. *Mitleid*, русск. *сочувствие/сострадание*; франц. *demi-monde* → нем. *Halbwelt*, русск. *полусвет*;

б) заимствованные значения (semantic loans, Lehnbedeutung, Bedeutungsentlehnung), например, нем. *lesen* "sammeln, auflesen, отбирать" > "читать" ← лат. *legere*, др.-в.-нем. *heilant, Heilender* "спасающий" > *Heiland* "Спаситель" ← лат. *salvator* "Спаситель" (=Christus "Христос").

4. Лексическая индукция (loan creation, LehnSchöpfung). Относящиеся к этой группе слова являются не заимствованиями или подражаниями (полным или частичным переводом) чужой модели; они являются неологизмами, возникающими в языке под влиянием и стимулом чужой, более высокой интеллектуальной, экономической и языковой культуры. Значит, они, в строгом смысле, не входят в круг заимствованных элементов. При возникновении нового слова чужая модель играет только роль катализатора. Например, англ. *sibling*, нем. *Geschwister* "братья и сестры" → амер. идиш *mitkind*; нем. *Automobil* → *Kraftwagen* "автомобиль"; франц./нем. *Milieu* → *Umwelt* "окружающая среда"; франц./нем. *Cognac* → *Weinbrand* "бренди".

4.1. Заимствованные слова. Из церковнославянского заимствовано лишь несколько слов. Представление о процессе перенятия чужих слов дают известные нам труды св. Стефана Пермского и его миссионеров об истории создания древнезырянского книжного языка. Благодаря им зыряне приобрели не только систему письма, отличающуюся от кириллицы, но и язык богослужения, который, если в плане содержания и не отличается (кальки, переход синтаксических структур) от церковнославянского, то внешне (в силу максимального устранения заимствованных элементов) расходится с ним. Св. Стефан Пермский и его последователи стремились сделать христианство, исходящее от государства-захватчика, приемлемым для зырян, питавших к русским враждебные чувства. Из церковнославянского языка в древнезырянский вошли следующие слова:

1. *al'l'ilujja* < русск.-ц.-слав. *аллилуйя*; греч. ἁλληλουῖα < евр. *Hallelūjāh* "славьте Иегову".

2. *amīn* < русск.-ц.-слав. *аминь*; греч. ἀμήν "воистину так, точно так".

3. *grek* "грех" < русск.-ц.-слав. *грех* [8, I, с. 307]; ср. V S Lu Ud P *grek* "Sünde" [9]¹.

4. *Xeruvim* "херувим" < русск.-ц.-слав. *Херувим* < греч. χερουβὶμ < евр. *kerūb* ед.ч., *kerūbīm* мн.ч. "архангел". Ср. *keruvim* "Cherubim" [12].

5. *s'erafim* "серафим" < русск.-ц.-слав. *серафим* < греч. Σεραφίμ < евр. *sārāf* ед.ч., *serāfīm* мн.ч. [8, II, с. 611].

4.2. Гибридные заимствования.

6. *kreka* "грешный". Производное от слова *grek* "грех", фигурирующего под пунктом 3, с помощью суффикса прилагательного *-a*. Форма *kreka* является или результатом внутреннего словообразования, или суффикс *-a* заменяет в нем славянский суффикс *-ный*. Ср. V *greka* "sündig" [10], *greka* "грешный" [11].

4.3. Передача (репродукция) слова элементами своего языка.

¹ Здесь и далее используются сокращенные обозначения коми диалектов по [9] и [10]: V – вычегодский, S – сысольский, Lu – лузский, Ud – удорский, P – пермяцкий, I – ижемский, Le – летский, VO – верхневычегодский, Pr – прупский, Mez – мезенский, Vm – вымский, Peč – печорский.

7. *art* "чин (ангельский)" < русск.-ц.-слав. *чин*. Ср. *art* "Wache", in *art* "Amt Dienst" [12], *Ud VO Lu-Le art* "ряд; рядом, подряд" (*Ud*); "лад, толк, порядок (в работе)" (*VO Lu-Le*) [13].

8. *bur-ši*- "благословить" < ц.-слав. *благословити* < греч. εὐλογεῖν, лат. *benedicere* [8, I, с. 90]. Др.-зырян. *bur* "хорошее" + *ši* – "желать". Ср. *V bur-ši-, bur-šij-, Le bur-ši-, Pr VO bur-ši-* "Gutes wünschen (bes. den Brautleuten), segnen, Glück wünschen" [10].

9. *et-jet-es* "единосущный, единый, неделимый" < ц.-слав. *единосущный* Др.-зырян. *et* "один" + *jet-* "соединять, объединять" + *-es* (отглагольный суффикс имени). Ср. *V Ud Mez Pr jīt-, Le jī t-, Vm it-* "zusammenlöten, zusammenfügen, verbinden, vereinigen" [10].

10. *jordjal-, jord'jal-* "судить, осуждать", *jord'jaleṁ, jord'jaleṁ* "суд, суждение" < ц.-слав. *суд, судити* [8, III, с. 38–40]. Ср. *V S I Ud jor-* "verfluchen, verwünschen, beschwören", *Ud P jord-* то же [9].

11. *kanalan* "царствование" < ц.-слав. *царствие*. Др.-зырян. *kan* "Царь" + *-al-* (отыменный суффикс глагола) + *-an* (отглагольный суффикс существительного). Ср. *kan* "Kaiser, König" [12] ~ удм. *kun* "Fürst, Regent, König" ← булг. /χān/ > чуваш. *хун* "Khan, Fürst, Herzog" [14, с. 283–284; 15, с. 7].

4.4. Лексическая индукция.

12. *borda ideg* "архангел" < русск.-ц.-слав. *архангел* < греч. ἀρχάγγελος [8, II, с. 27]. Др.-зырян. *borda* "крылатый" + *ideg* "ангел".

13. *idegas* "апостол", *idegasa* "апостольский" < русск.-ц.-слав. *апостол* < греч. ἀπόστολος [8, I, с. 20]. Др.-зырян. *ideg* "ангел" < *"небесная сила" + *-as* (отыменный суффикс имени).

14. *šuan* "слово" < русск.-ц.-слав. *слово*. Др.-зырян. *šu-* "сказать" + *-an* (отыменный суффикс имени). Ср. *V S Lu I Peč Ud šu-* "сказать" [9]. Образование данного однозначного неологизма было необходимым из-за многозначности древнезырянского слова *kij* "слово, язык; Wort, Sprache, Zunge", *S Peč Lu kij, V Ud P kij, I kī* "Zunge, Sprache; Rede; Wort" [9].

15. *vel, vel* "небо" < русск.-ц.-слав. > *небо* [8, II, с. 205]. Др.-зырян. *vel, vel* "небо" ← "поверхность, верх". Ср. *vel, vev, V vev-dor, S Le vel-dor, VO vē-dor* "Oberfläche; das obere" (*dor* "Rand, Seite, Gegend") [10].

4.5. В пункте 3.1. (см. выше) показано, что из церковнославянского в древнезырянский перешло всего пять слов. Если проанализировать эти слова более основательно, то количество заимствований будет еще меньше. Настоящим заимствованием можно считать только слово *grek* "грех" (3), имеющееся, кроме древнезырянского, и в современных говорах. Слова *amiñ* (2) и *all'iuja* (1) как заимствованные элементы остались в рамках церковного языка. Слова *xeruvim* (4) и *šerafim* (5) из-за своей звуковой формы не могли укорениться как заимствованные слова в древнезырянском. Они являются чужими словами. В случае, если бы они привились, в них должны были бы произойти изменения *x* → *k* и *f* → *p*. То же можно сказать и о форме *Xristos* "Христос", привившимся словом может считаться вариант *Kristos* [1, с. 134, с. 146].

Влияние церковнославянского языка на словарный состав древнезырянского выразилось в категориях передачи (репродукции) чужого слова элементами своего языка (loanshifts) (3.3.) и лексической индукции (loan creation, Lehn schöpfung) (3.4.). Их количество – соответственно 46 и 16 слов. На основе описанных критериев происходит однозначное деление на два типа, хотя из-за довольно продолжительного, а потому весьма размытого процесса, имеющего широкий диапазон, деление это производится нелегко.

5. Ниже проведен анализ интерференции между церковнославянским и древнезырянским языками в сфере синтаксиса.

Типы интерференции, основывающиеся на отождествлении категорий синтаксиса двух языков, рассматриваются в связи со склонением имен, возвратного местоимения и со спряжением глаголов. Особо говорится о причастных и деепричастных оборотах, об аналитическом соединении (с помощью союзов) сложносочиненных и сложноподчиненных предложений и об интерференции (порядке слов, согласовании) синтаксических (грамматических) отношений.

5.1. Склонение имен.

А. Употребление морфем церковнославянского в древнезырянском исключено из-за коренным образом расходящейся структуры флексии двух языков. Не перешли из церковнославянского языка в древнезырянский и предлоги. Иначе и быть не могло, поскольку создатели древнезырянского языка стремились к чистоте языка, к переводу русских моделей, к воссозданию их на зырянском языке, а не к принятию чужих элементов чужого языка.

Б. Под влиянием церковнославянских падежных или предложных конструкций окончание падежа или оборот с послелогом получают функцию, ранее отсутствовавшую в древнезырянском (функциональное сходство).

Винительный падеж. В древнезырянском языке очень редко встречается нулевое окончание у прямого объекта. В случае как неопределенного, так и определенного объекта употребляется винительный с окончанием *-es*. Винительный падеж одушевленного рода также имеет свой показатель. Значит, в древнезырянском языке еще не существовало правила, согласно которому винительный падеж с окончанием *-es*, кроме выражения определенности объекта, служит и для выражения винительного падежа одушевленного рода, а *ф*-морфема указывает на неопределенный объект.

Последовательное употребление винительного падежа с окончанием *-es*, несомненно связано с влиянием церковнославянского языка, хотя в нем не всегда четко разграничены винительный и именительный падежи. Данная последовательность может быть обусловлена тем, что св. Стефан Пермский и его ученики в своей обновляющей и созидательной деятельности стремились выделить разницу между грамматическими формами двух языков. Например, *mijan n'an'es* "хлеб наш" (Отче наш) [1, с. 69]; *vel-tjaldan-ines i mues i ber tjaldemes i taldemes ujalis* "творца небу и земли, видимым же всем невидимым" (в перечислении формы винительного падежа управляют причастием *ujalis* "творящий" (Верую) [1, с. 67]; *visialam eti vejilanes* – "исповедую едино крещение" (Верую) [1, с. 68].

Родительный падеж. В текстах на древнезырянском языке довольно редко встречается необозначенный родительный падеж, с *ф*-морфемой определения-обладателя. Вместо него употребляется окончание родительного падежа *-len* (иногда *-lan*). Весьма последовательное употребление этой формы родительного с показателем свидетельствует о влиянии церковнославянского языка. Если обладаемое является объектом, то в современном языке коми, как известно, употребляется окончание отложительного родительного *-l̥is̥*. В процессе последовательной и целенаправленной нормализации языка и в случае отложительного родительного в древнезырянском церковном употребляется *-len*, хотя в древнезырянском народном языке рядом со словом, обозначающим обладаемое и фигурирующим в качестве объекта, родительный падеж мог иметь окончание *-lis̥*. Например, *as comlen ejis doris̥* "от двери храма его" (Бытие) [1, с. 39–40]; *ceč-ke ajlen gažse* "но ... воли Отца" [1, с. 67]; *mezse len nimse koram* "и имя Господне призову" [1, с. 69].

Направительный падеж (illativus). Ниже приводится пример, где под влиянием церковнославянского языка зырянское слово *eski-* "верить" управляется направительным падежом: *eskam eti jenn-e aje, bid kutise* "Верую в единого Бога Отца вседержителя" (Верую) [1, с. 67].

В. В системе склонения имен к случаям интерференции, основывающейся на формальном и функциональном сходстве, можно отнести только звательный падеж, образовавшийся на случайном совпадении звуковой формы и употребления. Разновидности звательного падежа (алломорфы) в древнезырянском: *-e*, *-e*, *-i*, а в современном языке коми *-e*, *-ej*, *-e*, *-ej*. По своему происхождению звательный падеж в древнезырянском совпадает с формой родительного с показателем обладателя: *-e* *l-e* < **-m*, а *-j*, является их уменьшительным суффиксом, присоединяющимся к показателю обладателя в функции звательного падежа [16, с. 62; 17, с. 384–385]. Формирование звательного падежа из показателя обладателя 1 л. ед. ч. несомненно явилось результатом внутреннего развития, которому только способствовало внешнее влияние, случайное звуковое и функциональное совпадение с церковнославянским вокативом на *-e*, *-i* (Богже, Отче наш, Господи). Например, *jenlen pii* "Сыне Божий" [1, с. 33]; *meze se isus kristose* "Господи, Иисусе Христе" [там же]; *meze se mišišti* "Господи помилуй" [там же].

5.2. Причастные и деепричастные обороты.

Для прапермского языка-основы, как и для других уральских языков, а также для уральского языка-основы, было характерно употребление не аналитических (союзных) придаточных предложений современного языка, а причастных и деепричастных оборотов. Кроме того, прапермский язык-основа, так же как и уральский язык-основа, мог выразить логические отношения между предложениями, как сочинительную, так и подчинительную связи с сочинением без союза. Причастные и деепричастные обороты имелись уже в старославянском языке, и под влиянием греческого эти конструкции стали популярны в церковнославянском, в языке Библии и литургии. Поскольку причастные и деепричастные обороты были известны в зырянском языке раньше, то для переводчиков церковных текстов передача этих конструкций не представляла особых трудностей. Правда, при абсолютном следовании церковнославянским текстам в древнезырянском появлялись решения, не всегда отвечающие структуре и правилам древнезырянского языка.

Причастия.

Действительные причастия несовершенного вида: *-iš*, редко *-eš*: например, *kođ jeze gortjašin velišjas kilalsniš* "в онъ же вси сущии во гробах услышат" (Иоанн) [1, с. 66]; *aje mijan vel-tidalan-inin ve le še* "Отче наш иже еси на небесах" [1, с. 69].

Страдательное (реже действительное) причастие совершенного вида *-em*, редко *-am*: например, *ajis čužem* "от отца рожденного" (Верую) [1, с. 67]; *siž i jen isus mogiš užamjazdī vajas sijet* "так и Бог умершья в Иисусе приведет с ним" [1, с. 65]; *veveš mezeš voan dirje mi olemajas mišsale majas* "яко мы живущие оставши в пришествие Господне" [там же].

Деепричастия.

1. *-ig* например, *seš velmešsis niļu jukligen kiljasse bi kojđ* "И явившая им разделени языци яко огнени" [1, с. 42–43]; *i tiris be den kartaes, kižen loinis pukigen* "и исполни весь дом, идеже бяху сядяше" [там же].

2. *-miš* например, *adžimīs pišjis vožža niļu* "и видев и притече в сретение им" (Бытие) [1, с. 39–40]; *seš kilmiš i lalženiš* "и услышавше живут" (Иоанн) [1, с. 66].

5.3. Синтаксическая (грамматическая) интерференция.

Сюда причисляются следующие интерференционные явления: 1) порядок слов; 2) модуляция; 3) согласование (ср. [3, с. 37–39]). Модуляция (ударение, интонация, пауза и т.д.), т.е. группа суперсегментных явлений, применительно к древнезырянскому языку не поддается изучению, поскольку речь идет о письменном языке. Интерференция, проявляющаяся в области порядка слов и согласования, явление хорошо известное, ибо употребление достаточно описано в литературе о языковых контактах. Обычность данного типа интерференции объясняется тем, что двуязычные лица не замечают нарушений существующих синтаксических отношений [3, с. 39].

В древнезырянском языке также имеется множество примеров интерференции в области порядка слов и согласования, ибо в интересах верности оригиналу переводчики церковнославянских текстов почти беспрепятственно могли передавать синтаксическую структуру оригинала в зырянском языке.

П о р я д о к слов определения-обладателя с притяжательной конструкцией. Здесь заметно прежде всего расхождение с собственно зырянским порядком (определение-обладатель + обладаемое). Под влиянием церковнославянского языка слова в обороте меняются местами. Например, *pijs mortlen* "Сын человек" (Иоанн) [1, с. 66]; *gorase jen pileŋ* "глас Сына Божия" [там же]. Обратный порядок слов в таких оборотах особенно популярен, если в роли определения выступает притяжательное местоимение (родительный падеж личного местоимения). Например, *aje mijan* "Отче Наш" [1, с. 69], *niŋiđ tenad* "имя твое" [там же], *jord'jale me menam* "суд мой" (Иоанн) [1, с. 6]; *pqdes tijan* "ноги ваша" (Бытие) [1, с. 39–40].

В зырянском языке **п о р я д о к** ч л е н о в п р е д л о ж е н и я

довольно свободен, что дает стилистические возможности для выражения оттенков мысли [2, с. 95]. Наиболее распространенный тип порядка слов (SVO) (субъект–глагол–объект), особенно в том случае, если объект определенный. В случае неопределенного объекта обычный порядок слов: SOV [18, ч. 2, с. 121]; см. также [19, с. 36]. В живом изложении сказуемое может оказаться на первом месте. Под влиянием церковнославянского языка такой порядок слов – VSO – был популярным и в древнезырянском. Например, *seš velmešsis jen avramlu* – "яви же ся Аврааму Бог" (Бытие) [1, с. 39–40]; *seš velmešsis niŋu* "И явившая им" [1, с. 42–43].

Относительно правил **с о г л а с о в а н и я** см. [1, с. 94–95]. Отдельно подчеркивается, что между определением и определяемым словом, так же как в финно-угорских языках, нет согласования ни в числе, ни в падеже. Данное правило необходимо подчеркнуть, поскольку в древнезырянском языке под влиянием церковнославянского наблюдается почти последовательное согласование определения и определяемого. Например, *vežaes polteses* "и святого Духа" [1, с. 67], *vežaes kujimaes, etjeteses, jukiltemes* "и ... святую Троицу, единосущную и нераздельную" [там же] (последние два слова являются приложениями, поэтому здесь уместно согласование); *pir gišes i vejpanitemes jennimlen inše* "присноблаженную и неперороченную и Матерь Бога нашего" [1, с. 68]; *olem užališlu kujimalu* "и животворящей Троице" [1, с. 67]; *šuis mezes as orde voemjaslu jud'ejsajaslu* "сказал Бог пришедшим к нему евреям" [1, с. 66]; *iksajas Xeruvim(m)jas kin'ja* "честнейшую херувим ... без сравнения" [1, с. 68].

5.4. При контакте языков может случиться, что подражающая чужой языковой форме реплика может настолько нарушить существующие синтаксические отношения, что в результате получается или бессмыслица, или утверждение, понятное только с помощью возвращения к оригиналу [3, с. 37–38]. В следующих примерах приводится несколько предложений из древнезырянских текстов, которые с точки зрения языка коми кажутся абсурдом. Для современных коми они непонятны: об этом свидетельствуют опрошенные мною коллеги-коми, и, по-видимому, без знания церковнославянского языка они были непонятны и зырянам того времени. Данные примеры до такой степени копируют порядок слов, причастные и деепричастные обороты и другие синтаксические структуры церковнославянского языка, что понять их можно только при наличии исходного, церковнославянского текста. Считаем важным отметить, что такие менее удачные, можно сказать, запутанные переводы в древнезырянских текстах встречаются редко. Например, *veveš menam šuanliš kilziš i eskis ištisli mene kutas nemja olemes* "яко слушая словесе моего и веруяй пославшему мя, имать живот вечный" (Иоанн) [1, с. 66]; *čec'ke ajlen gažse mene ištmenlen* "но веля пославшего мя Отца" (Иоанн) [1, с. 67].

6. Что касается явлений интерференции наблюдаемых при контактах церковно-

славянского и литературного древнезырянского языков, то они распространяются, в первую очередь, на словарный состав и синтаксис древнезырянского языка. Заимствованных слов, как показано выше, в древнезырянском всего пять, но действительно привившимся может считаться только одно – *grek* "грех" см. 4.1(3). Кроме того, было заимствовано еще три союза (*a, i, no*). Они являются продуктивными элементами и современного языка коми. Хотя количество непосредственных заимствований мало, существенны заимствования семантического характера (передача/репродукция чужого слова элементами своего языка и лексическая индукция). Неологизмов, возникших под влиянием церковнославянского языка, вместе с единственным гибридным образованием (*kreka* "грешный") всего 65. Для изучения явлений интерференции такое количество достаточно, в то же время оно составляет лишь 10% полностью представленного словарного состава древнезырянского языка. Синтаксическая интерференция была более значительной, чем влияние церковнославянского языка на словарный состав древнезырянского. Можно сделать заключение, что основоположникам древнезырянского литературного языка удалось создать язык, значительно расходящийся с народным языком того времени в области словарного состава, и, главным образом, в синтаксисе.

7. В настоящее время в пермском языкознании общепринято мнение, что св. Стефан Пермский и его миссионеры взяли в основу древнезырянского литературного языка нижневычегодский говор района Усть-Вымь. Однако остается вопросом, понимали ли зыряне полностью переведенные библейские и литургические тексты. Если принять во внимание все неологизмы, попавшие в словарный состав под влиянием церковнославянского языка, и их синтаксические особенности, имеющие сильное расхождение с духом и грамматической системой зырянского народного языка того времени, то можно дать однозначный и отрицательный ответ: простой люд не мог понимать полностью язык, заполненный неологизмами и конструкциями чужого происхождения. Однако это было особенностью не только древнезырянского церковного языка. Народный русский язык того времени также расходился со старославянским настолько сильно, что русские вряд ли понимали полностью архаический язык церкви. В оборотах церковнославянского языка, во всей его грамматической структуре прослеживается сильное влияние греческого языка Салоник. Таким образом, греко-славянская традиция церковного языка – состав выражений и грамматические структуры – в зырянском облике перешли в древнезырянский язык. Уважая святыне тексты, переводчики библейских и литургических текстов придерживались языковых оборотов оригинала. Неологизмы и синтаксис чужого языка придали древнезырянскому литературному языку какую-то святую таинственность, отличающую его от повседневного употребляемого языка, ср. [20, с. 105]. Примеров расхождений разговорного языка и языка религиозных обрядов, священных книг наблюдается множество в самых разных культурах. В связи с этим достаточно указать на самые известные священные или сакральные языки: еврейский, санскрит, язык Авесты (древнеперсидский), греческий, латынь. Сюда же можно отнести выражения-табу мира верований, религиозных представлений примитивных народов.

Постепенное отмирание древнезырянского литературного языка после XVI столетия объясняют тем, что клир следующего периода с русским родным языком уже не понимал древнезырянских текстов. Частично так и было, однако необходимо считаться и с сознательным вытеснением литургии на древнезырянском языке. Из истории православной церкви известно, что после падения Константинополя (1453 г.) русская власть и русская православная церковь Москву считали "третьим Римом", ср. [21; 22, с. 59; 23, с. 252]. Начиная с XVI в. московская церковь начинает принимать определенный национальный характер. С этим изменением во взглядах и экспансией русского государства связано постепенное вытеснение нерусских церковных языков в церквях. Упомянутые работы по истории религии умалчивают о предпринятых мерах, связанных с искоренением церковных языков, но это умолчание (*argumentum ex*

silentio) свидетельствует, собственно, о том, что в истории русской православной церкви процесс постепенного вытеснения "малых" языков не представлял события, достойного внимания. Усиление распространения христианства на северных и восточных (сибирских) территориях России в XVI в. связано с именем московского митрополита Макария [24, с. 754]. Эта миссионерская деятельность уже велась на церковнославянском, вернее, на русском языке. В связи с процессом усиления национальной ориентации русской православной церкви и Русского государства должно рассматриваться распространение церковнославянского (русского) языка и на зырянской земле.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лыткин В.И. Древнепермский язык. М., 1952.
2. Rédei K. Chrestomathia Syrjaenica. Вр., 1978.
3. Weinreich U. Languages in contact. The Hague; Paris, 1968.
4. Епифаний Премудрый. Слово о житии и учении св. Стефана, бывшего в Перми епископом // Памятники старинной русской литературы. Вып. IV. СПб., 1862.
5. Лыткин В.И. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. СПб., 1889.
6. Haugen E. Language contact / Proc. of the 8th International congress of linguists. Oslo, 1958.
7. Haugen E. The analysis of linguistic borrowing / Lg. 1950. V. 26. P. 210-231.
8. Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I-III. Heidelberg. 1953-1958.
9. Wichmann Y. Syrjänischer Wortschatz nebst Hauptzügen der Formenlehre / Hrsg. von Uotila T.E. Helsinki, 1942.
10. Fokos-Fuchs D. Syrjänisches Wörterbuch. Вр., 1959.
11. Тимушев Д.А., Колезова Н.А. Коми-русский словарь / Под ред. Лыткина В.И. М., 1961.
12. Wiedemann F.J. Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutschen in Anhang und einem deutschen Register. St.-Petersburg. 1880.
13. Жулина Т.И., Сахарова М.А., Сорвачева В.А. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Под ред. Сорвачевой В.А. Сыктывкар, 1961.
14. Rédei K., Róna-Tas A. A permi nyelvek őspéri bolgár-török jövevényszavai // Nyelvtudományi Közlemények. 1973. Köt. 74. P. 281-298.
15. Rédei K., Róna-Tas A. Early Bulgarian loanwords in the Permian languages // Acta Orientalia Hungarica. 1983. T. 37. P. 3-41.
16. Rédei K. Die Postpositionen im Syrjänischen unter Berücksichtigung des Wotjakischen. Вр., 1962.
17. Rédei K. Geschichte der permischen Sprachen // The Uralic Languages / Ed. by Sinor D. Leiden e.a. 1988. P. 351-394.
18. Современный коми язык / Под ред. Селькова Н.Н. Ч. I. Синтаксис. Сыктывкар, 1967.
19. Baker R. The development of the Komi case system. A dialectological investigation // MSFOu. 1985. T. 189.
20. Baker R. Slavonic influence upon the language of the Old Permian texts // FuF. 1983. Bd XLV. I. S. 82-106.
21. Schaefer H. Moskau das Dritte Rom. Darmstadt, 1963.
22. Heiler F. Die Ostkirchen. München; Basel, 1971.
23. Hauptmann P., Stricker G. Die orthodoxe Kirche in Russland. Göttingen, 1988.
24. Барсов Е.В. Чтения в императорском обществе Истории и Древностей Российских при Московском университете. Ч. I. М., 1900.